

Сгущались сумерки. Одинокая луна скрылась за плотной пеленой облаков, и лишь бесконечные вереницы уличных фонарей разрывали мрак, заливая тусклым светом оживлённую улицу Шисинь. Возле небольшого круглосуточного магазинчика припарковался неприметный внедорожник. Его наглухо тонированные стёкла надёжно скрывали всё, что происходило внутри салона.

— Это и есть отпрыск семьи Ци? — Чжоу Юэхэн неторопливо перебирал чётки на запястье. На его безупречно спокойном лице не отразилось ни единой эмоции.

— Да, господин, именно он, — откликнулся Ван Дун.

— И как он здесь оказался?

Ван Дун, отличавшийся редкой болтливостью, только и ждал повода выложить всё до последнего слова.

— Да уж история! — с готовностью подхватил он. — У семьи Ци с наследниками совсем беда: у старшей ветви семьи ни одного мужика. Вот старая госпожа Ци и пронюхала, что у Ци Пэйюя есть внебрачный сын на стороне. Сама распорядилась вернуть парня в род... Да только в том семействе и без того царил полный раздор, а появление ещё одного рта в борьбе за власть и вовсе превратило всё в хаос. Старуха-то тянула мазу за старшую ветвь семьи, хотела всё подгрести под них. Но разве младшая ветвь семьи проглотит такое? И месяца не прошло, как старуха преставилась, а мальчишку старшей ветви семьи тут же выставили за дверь.

— И Ци Пэйюй никак за него не заступился? — Чжоу Юэхэн лениво смотрел в окно. Тусклый свет проникал сквозь стекло, очерчивая изящный профиль; вторая половина лица оставалась в тени. Он подпёр подбородок ладонью, в его взгляде проскользнул лёгкий интерес.

— А что он мог сделать? — фыркнул Ван Дун. — Ци Пэйюй — размякший никчёмный, бесполезный...

— М-м? — в тоне Чжоу Юэхэна проскользнула едва уловимая, но отчётливая угроза.

Ван Дун мгновенно осёкся и слегка хлопнул себя по губам.

— В смысле... Он и сам-то еле держится, куда ему ещё о незаконнорожденном печься.

— А я-то думал, Ци Пэйюй удержит Ци Фана ради наследства, — задумчиво произнёс Чжоу Юэхэн. — Чтобы побороться за активы семьи.

Если бы Ци Фан остался под крылом старшей ветви семьи, он помог бы им урвать большой кусок. Пока Ци Пэйюй держал парня при себе, в его руках находилось как минимум на пять процентов больше акций. Такой алчный человек вряд ли добровольно отказался бы от денег.

Впрочем, эти акции всё равно формально принадлежали Ци Фану, а значит — находились в руках старшей ветви семьи.

— Младшая ветвь семьи — те ещё акулы, — пояснил Ван Дун. — На каждый шаг старшей ветви семьи у них давно готов ответ. Прояви Ци Пэйюй упёртость, он потерял бы даже то малое, что имеет.

Он не удержался от колкости:

— Без покровительства старой госпожи Ци этот тьюфак и шагу ступить не способен.

— И то правда, — Чжоу Юэхэн устало сжал переносицу. Поняв, что глаза снова ломит, он слегка потёр веки.

Нынче вечером он выпил лишнего. Весь вечер прошёл в бесконечных тостах и светских ужимках с теми старыми лисами: вином его накачали сполна, а вот решить нужные вопросы так и не изволили. Вспомнив о главной цели этой поездки, он спросил:

— Сколько ему лет?

— Девятнадцать, — ответил Ван Дун.

Чжоу Юэхэн издал короткий, исполненный скепсиса смешок.

Ван Дун виновато притих.

Парнишка из семьи Ци был хорош всем, кроме одного — возраста. Девятнадцать лет... До законного брачного возраста ему оставалось ещё целых три года.

А Ван Дун прекрасно знал: у Чжоу Юэхэна нет времени ждать так долго.

— Ищи дальше, — вздохнул Чжоу Юэхэн. Борьба за власть в собственной компании в последние дни выпила из него все силы, спровоцировав очередной приступ неврологической головной боли. Он попытался размять виски, но тупая, пульсирующая боль и не думала отступать. — Рано или поздно найдём кого-нибудь подходящего.

Почуввав в голосе босса глубокую усталость, Ван Дун замолчал. Но тут его словно осенило, и он торопливо выложил свежую мысль:

— Господин Чжоу, но ведь у Ци Фана на руках должны быть акции?

Формально они принадлежали юноше, и никто не мог их отнять, вот только у самого Ци Фана не хватало духу и сил заявить на них права.

Старшая ветвь семьи под давлением младшей ветви семьи предпочла выбросить парня на улицу, отказавшись от доли, лишь бы не вступать в открытую войну. Без покровительства семьи сироте ни за что не пробиться к своей законной доле — младшая ветвь семьи и близко его не подпустит.

— Если мы окажем ему небольшую услугу... — аккуратно предложил Ван Дун, — то после перерасчёта этих активов вполне хватит, чтобы закрыть нашу брешь.

Рука Чжоу Юэхэна замерла на чётках, движение янтарных бусин замедлилось.

За окном машины, в ярком свете круглосуточного магазина, у кассы стоял юноша в фирменной жилетке работника. Опустив голову, он пробивал покупки. Расстояние было слишком большим, и взгляд Чжоу Юэхэна терял чёткость.

У него было лёгкое слабозрение: в повседневной жизни очки не требовались, он надевал их только для работы с документами. Сейчас, без очков, разглядеть черты лица парня, а тем более уловить его эмоции, было невозможно.

Ван Дун предусмотрительно распечатал личное дело Ци Фана, но Чжоу Юэхэн до сих пор не соизволил его открыть. Даже эта поездка сюда была спонтанной: услышав от помощника, что парень работает неподалёку, он просто велел водителю повернуть штурвал.

Он взял папку, лежавшую на соседнем сиденье, и откинул обложку. На первом же листе имелось фото для документов. Заметив движение шефа, Ван Дун с полуслова понял намёк и включил потолочный плафон. Тёплый желтоватый свет мгновенно залил салон, сделав снимок чётким.

Густая чёрная чёлка немного перекрывала взгляд. Парень смотрел чуть снизу вверх, с опущенными веками, вид имел понурый и уставший. Но черты лица оказались правильными, даже породистыми. Вполне приятная внешность — на вкус Чжоу Юэхэна, вполне сносная.

— Господин Чжоу, мне сходить за ним? — уточнил Ван Дун.

— Не гони лошадей, подождём, — ответил Чжоу Юэхэн, закрывая папку. — Возможно, подвернётся кандидат получше.

Бросив распечатку обратно на сиденье, он смежил веки.

Не угадав мысли босса, Ван Дун осторожно поинтересовался:

— Тогда... приказать возвращаться?

— Поехали.

Головная боль нарастала. Чжоу Юэхэн повернул голову к окну. В этот момент юноша, только что обслуживший очередного покупателя, остался без дела. Словно почувствовав на себе чужой пристальный взгляд, он резко обернулся. Чжоу Юэхэну на мгновение показалось, будто парень смотрит ему прямо в глаза сквозь тонированное стекло.

Шофёр тронул машину с места. Взгляд юноши медленно скользнул вслед за уходящим внедорожником и провожал его до тех пор, пока тот не растворился в потоке машин.

— Ци Фан... — тихо прошептал Чжоу Юэхэн, едва заметно постукивая подушечкой пальца по подлокотнику.

Голос его был настолько тихим, что Ван Дун ничего не разобрал. Подозрительно оглянувшись и увидев, что босс снова смежил веки, помощник погасил свет в салоне.

Покупатели в магазине сменяли друг друга, и Ци Фан наконец отвёл взгляд от дороги.

Наверное, просто разыгралась паранойя. Семья Ци с позором выставила его за дверь, с какой стати кому-то искать с ним встречи?

Стрелка часов медленно подбиралась к девяти — время окончания его смены. Вот только сменщик так и не появился.

И это происходило далеко не в первый раз.

С холодным безразличием Ци Фан проигнорировал новое личное сообщение с просьбой «подождать ещё пару минут» и открыл общий рабочий чат. Не долго думая, он отправил упоминание прямо в группу:

[Ци Фан]: @Улыбка в мире смертных, ты где?

[Ци Фан]: Моя смена окончена.

В общем чате отвечать не стали, зато личные сообщения тут же пополнились двумя новыми уведомлениями. Ци Фан даже не стал их читать. Привычным движением он забрал два пакета с хлебом, у которого заканчивался срок годности, — списанную выпечку сотрудникам

разрешалось забирать бесплатно.

Едва стрелка пересекла отметку девять часов и пять минут, как запыхавшийся сменщик наконец ворвался в магазин. Дверь с грохотом распахнулась, задев его плечо. Ци Фан окинул его ледяным взглядом, подхватил свой рюкзак и накинул на плечи.

— Ну ты и сволочь! Зачем надо было писать в общий чат?! — разгневался Чжан Дун. Он никак не ожидал, что Ци Фан так вглухую заставит его потерять лицо перед начальством.

— Не трать моё время, — отрезанно произнёс Ци Фан. Сложив хлеб в пакет, он прошёл мимо парня к выходу.

Чжан Дун насупился и, когда тот выскользнул на улицу, злобно пробормотал вслед:

— Ишь, какого индюка из себя корчит...

Круглосуточный магазин находился совсем недалеко от съёмной квартиры — ходьбы от силы минут на восемь. Ци Фан шагал не торопясь. Телефон в кармане вибрировал: Чжан Дун пытался сгладить углы в рабочем чате, лепеча, что «просто немного задержался», и просил Ци Фана не дуться. Ци Фан лишь презрительно фыркнул. Он уже собирался убрать телефон, когда экран вспыхнул от входящего вызова.

Сняв трубку, он услышал тихий, испуганный детский голос:

— Брат... Папа опять напился.

Ци Фан нахмурился, и его шаг невольно ускорился:

— Ты у себя? Запрись в комнате и жди меня.

— Заперлась, — тихо ответила Нин Юэ.

— Молодец. Я уже бегу.

Сбросив звонок, Ци Фан сорвался на бег.

Прошло почти два месяца с тех пор, как его с позором выгнали из дома Ци. За всё это время ни один человек из той семьи не попытался связаться с ним — даже Ци Пэйюй не прислал ни единой строчки. Казалось, будто дни, проведённые в роли юного господина, были лишь затянувшимся лихорадочным сном.

Когда его выставляли за порог, Ци Пэйюй даже не показался. В качестве последней «милости» семейство Ци оставило ему банковскую карту. Ци Фан проверил счёт: ровно сто тысяч юаней, ни феном больше, ни феном меньше. Для обычного человека — внушительная сумма, но для могущественного клана Ци — всего лишь унижительная подачка.

И всё же Ци Фан не стал отказываться от этих денег. По одной простой причине: он отчаянно в них нуждался.

Жильё, где он ютился сейчас, снимал его отчим, Нин Чжоучжан. Мать Ци Фана, Линь Вань, родила сына вне брака, из-за чего в их провинциальном городке перенесла немало людских косых взглядов и сплетен. Поэтому, когда один мужчина вдруг протянул ей руку помощи и пообещал принять её вместе с ребенком под сердцем без единого упрека, Линь Вань поддалась отчаянию. Она вышла замуж за Нин Чжоучжана.

Линь Вань была красавицей. До своей роковой ошибки она не знала отбоя от кавалеров. Но, слепо доверившись чувствам, совершила страшный промах: узнав о беременности, она изо всех сил пыталась разыскать возлюбленного, но телефон оказался вне зоны, сообщения оставались без ответа, а сам мужчина словно сквозь землю провалился.

Линь Вань не смогла заставить себя избавиться от дитя, свято веря, что этот ребёнок — плод их чистой любви. До последнего защищая образ предателя, она убедила себя, что с ним просто произошёл несчастный случай.

Из-за её упёртого желания сохранить «бастарда» Линь Вань наотрез поругалась с родителями. Именно тогда Нин Чжоучжан и предложил ей брак. Находясь на грани безысходности, Линь Вань согласилась. Свадьба вышла скромной и поспешной; разгневанные родители невесты даже отказались прийти на церемонию. Но Линь Вань было всё равно — главное, что её малыш спасался. Она дала себе зарок: пусть она и не любит Нин Чжоучжана, но сделает всё, чтобы стать ему верной женой и хранить этот очаг.

В молодые годы Нин Чжоучжан крутил небольшой бизнес и по меркам их городка жил вполне зажиточно. Линь Вань успела вкусить несколько лет спокойствия, хотя прекрасно понимала: муж не жалуется чужого ребёнка и лишь держит лицо ради неё. Время шло, и Линь Вань снова понесла. Здоровьем она никогда не отличалась — при рождении Ци Фана чуть не отдала концы из-за тяжёлых родов, и врачи настоятельно советовали прервать вторую беременность. Но Линь Вань уперлась.

Она знала, как сильно Нин Чжоучжан мечтает о родном дитяти.

Линь Вань мужественно выносила все десять месяцев. Ци Фан тогда был совсем мал; она подводила его к своему округлившемуся животу и ласково учила, что он обязан беречь будущую сестрёнку и стать для неё надёжной опорой.

Но никто не мог предвидеть трагедии. Линь Вань скончалась прямо на операционном столе от сильнейшего кровотечения, так и не успев поддержать на руках новорождённую дочь.

Мечтам о том, что общий ребёнок сплотит семью, не суждено было сбыться. Нин Чжоучжан полностью переменялся. Вскоре его бизнес прогорел, оставив его без гроша и в долгах. Он беспросветно запил и начал срывать злобу на Ци Фане, осыпая его побоями и бранью. Доставалось даже маленькой Нин Юэ.

Самое страшное заключалось в том, что Нин Юэ родилась с врождённым пороком сердца. Она была бездонной пропастью, требовавшей колоссальных денег на лечение. А Нин Чжоучжан, превратившийся в законченного алкоголика, еле перебивался сам, не говоря уже о заботе о больном ребёнке.

До десяти лет Ци Фана девочка выживала лишь благодаря грошам, которые дедушка с бабушкой отрывали от собственной скудной пенсии.

А когда Ци Фану исполнилось десять, его жизнь совершила крутое пике.

Его нашла семья Ци. Нин Фана переименовали в Ци Фана. В глазах окружающих он совершил немыслимый прыжок через Драконьи ворота, в один миг превратившись в избалованного молоденького господина.

Вот только сам Ци Фан знал правду: в хоромы семьи Ци он был не более чем дворовой собакой, которую можно было пинать и унижать, не опасаясь услышать в ответ ни единого слова против.

<http://bllate.org/book/20690/2105687>